

Federalism of the Turkic elites in the modernist and Bolshevik schemes

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-260-279

Krasovitskaya Tamara Yusufovna

Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation. Moscow, 117036, Dmitry Ulyanov Street, 19, Doctor of Historical Sciences, Professor. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Abstract. The author considers two versions of the Westernist progressive modernist paradigm of nationalism and internationalism. The evolution of federalism in the face of the ideological battles of the Bolshevik Party against opposition opponents. The content of the research is based on the documents first introduced into scientific circulation, which made it possible to analyze the projects of the federal structure of the Turkic ethnic groups in the RSFSR state mechanism. The article draws attention to the national elite, which determined the need to modernize the form of life, to intensify intercultural interactions, while preserving the local cultural identity of peoples. Taking into account the imperial policy and the attitude of the national suburbs to it, the author assessed the political activities of their political leaders, showed the motives of their actions in building autonomist projects, and attempts to preserve the independence of the ethnic group.

The author paid special attention to the Turkic and autonomist projects, showed their connection with the "Orientalist" dichotomy "East - West", with the political and ideological discourse of the intellectual and cultural position of the Bolsheviks. The article discusses the specifics of projects of individual elites of the Turkic language group, their use by I. Stalin in the process of building the structure of his commissariat. The position of I. Stalin, who perceived federalism in the schemes of Bolshevism and was guided not by the real democratization of power, but by "overcoming national oppression", is demonstrated. I. Stalin's rejection of Turkic independence predetermined repression of the national elite.

Comparison and comparative analysis of the political platform of ethnic leaders showed their significant differences in the level of not only education, but also the presence of political experience, which meant the vagueness of their federalist projects. The author touched upon the autonomist project of the Kazakh national elite led by A. Bukeikhanov and M. Chokaev. The article shows that the Turkic version of federalism under the conditions of the Bolshevik leadership was transformed into an ethno-cultural version of autonomy.

Key words: projects of the federal structure, specificity, Turkic elites, "Orientalism", Bolshevism, Turkism, autonomy, Stalin.

Модернистік және большевиктік сызбадағы түркі элитасының федерализмі

Красовицкая Тамара Юсуфовна

тарих ғылымының докторы, профессор, Ресей Ғылым Академиясы Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері. Ресей Федерациясы. 117036, Мәскеу қ., Дмитрий Ульянов көшесі, 19 үй. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Аңдатпа. Автор модернистік батыстық прогресшіл екі нұсқасын – ұлтшылдық пен интернационализмді қарастырады. Сонымен қатар, большевиктік партияның оппозициялық қарсыластарымен идеологиялық күрес жағдайындағы федерализм эволюциясын қарастырады. Зерттеудің мазмұны ғылыми айналымға алғаш рет енгізіліп отырған құжаттарға негізделеді. Бұл РКФСР-дің мемлекеттік механизміндегі түркі этностарының федералды құрылымының жобаларын зерттеуге мүмкіндік береді.

Мақалада халықтардың жергілікті мәдени даралығын сақтаудағы өзара мәдени байланысты, өмірдің түрлерін жаңғыртуды қажет екендігін ұсынған ұлттық элитаға назар аударылады. Автор шет жақта орналасқан ұлттарға қатысты империялық саясатты ескере отырып, олардың саяси көшбасшыларының ұлттың өзбетіндігін сақтаудағы талпыныстарына, автономия туралы жобаларды талдаудағы әрекеттеріне және саяси қызметтеріне баға берген.

Автор түркі және автономиялық жобаларға ерекше назар аударып, олардың «Батыс - Шығыс» атты «ориенталистік» дихотомиямен, большевиктердің зияткерлі және мәдени бағыттағы саяси және идеологиялық пікірлерімен байланыстарын көрсетті.

Мақалада түркі тілдік тобының кейбір элита өкілдерінің жобаларының ерекшеліктері және оларды өз халық комитетінің құрылымын құраудағы И.Сталиннің пайдаланғандығы да

қарастырылған. Мұнда И.Сталиннің федерализмді большевизм сызбасындағы бағытын көрсете отырып, оны билікті шынайы демократияландыруға бағыттамай, «ұлттық езгінің алдын алу» ретінде қолданғанын айқындай түседі. И.Сталиннің түркілік өзбетіндікті қабылдамауы ұлттық элитаның қуғын – сүргінге ұшырауына әкеп соқты.

Ұлттық көшбасшылардың саяси бағыттарын талдау мен саралау, олардың білімдерінің ғана емес, саяси тәжірибелеріндегі біршама айырмашылықтар федерация туралы жобаларының бұлыңғырлау болуына әкеп соқты. Автор Ә.Бөкейханов пен М.Шоқай бастаған қазақ ұлттық элитасының автономия туралы жобаларын да қарастырған. Мақалада большевиктердің басшылығы жағдайындағы федерализмнің түркі нұсқасы автономизмнің этномәдени нұсқасы ретінде көрсетілгендігіне назар аударылған.

Түйінді сөздер: федерациялық құрылым жобалары, ерекшелік, түркі элитасы, «ориентализм», большевизм, тюркизм, автономизм, Сталин.

Федерализм тюркских элит в модернистских и большевистских схемах

Красовицкая Тамара Юсуфовна

главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, РФ. Москва, 117036, улица Дмитрия Ульянова, д. 19, доктор исторических наук, профессор. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает две версии западной прогрессивной парадигмы модернизма – национализм и интернационализм. Эволюцию федерализма в условиях идеологических сражений партии большевиков с оппозиционными противниками. Содержание исследования базируется на документах впервые вводимых в научный оборот, что позволило проанализировать проекты федерального устройства тюркских этносов в государственном механизме РСФСР. В статье обращается внимание на национальную элиту, детерминировавшую необходимость модернизации формы жизни, активизации межкультурных взаимодействий, при сохранении локальной культурной самобытности народов. Учитывая имперскую политику и отношение к ней национальных окраин, автором дана оценка политической деятельности их политических лидеров, показаны мотивы их поступков в выстраивании автономистских проектов, попытки сохранить самостоятельность этноса.

Особое внимание автор обратила на тюркистские и автономистские проекты, показала их связь с «ориенталистской» дихотомией «Восток – Запад», с политическим и идеологическим дискурсом интеллектуальной и культурной позиции большевиков. В статье рассмотрена специфика проектов отдельных элит тюркской языковой группы, их использование И. Сталиным в процессе выстраивания структуры своего наркомата. Демонстрируется позиция И. Сталина, воспринимавшего федерализм в схемах большевизма и ориентировавшегося не на реальную демократизацию власти, а на «преодоление национального гнета». Неприятие И. Сталиным тюркской самостоятельности предопределило репрессии национальной элиты.

Сопоставление и компаративистский анализ политической платформы этнических лидеров показал их существенные различия в уровне не только образования, но и наличия политического опыта, что означало расплывчатость их федералистских проектов. Автор затронула автономистский проект казахской национальной элиты во главе с А. Букейхановым и М. Чокаевым. В статье показано, что тюркский вариант федерализма в условиях большевистского руководства трансформировался в этнокультурный вариант автономизма.

Ключевые слова: проекты федерального устройства, специфика, тюркские элиты, «ориентализм», большевизм, тюркизм, автономизм, Сталин.

УДК/UDC 94(47) (035.3)

Федерализм тюркских элит в модернистских и большевистских схемах

Т.Ю. Красовицкая

Введение. К 1917 году национализм и интернационализм – две версии западной прогрессивной парадигмы модернизма – противостояли миру

Традиции. Они активно обсуждались в кругах тюркских элит как представления народов о себе и о других и перспектива для них (Гачев, 1998:195). Преобладал интерес к национальным лозунгам, теме нации, национальной идентичности, важных модерну. У каждой этнической группы элит имелись представления о федерализме и проектах встраивания на его основе в новый государственный механизм России. Федеративные проекты осмыслили «внешний» план: комплексы представлений о форме связи с центром, с соседом, с собственной и соседней идентичностью. Обсуждения наполнялись «воображённой историей», художественной литературой, структурой общества, спланируя на действия институты власти.

Большевики связывали тюркско-мусульманский вариант федерализма с ориентализмом. В основе лежала дихотомия «Восток – Запад», изначальное разделение географического пространства в культурном и интеллектуальном измерении на Окцидент (Запад) и Ориент (Восток). Ориентализм был далек от политического и идеологического дискурса интеллектуальной и культурной карты Запада. Тот опирался на значительное количество нарративов о своем прошлом, большевикам не интересным! Но он как «знание второго порядка» утверждался в интеллектуальном пространстве российских тюрков. Хотя приходилось ощущать на себе ориентализм как синоним слабости Востока, триумф западной модели знания, управления и развития. Не удивительно, что методологически и интеллектуально ориентализм был более зависим от Запада, чем от Востока, но тюркским элитам удавалось успешнее мобилизовать своих адептов.

Результаты. Этносов на востоке бывшей империи было достаточно. Многочисленны и их элиты, и их проекты федерации. «Все русское мусульманство разделилось на два лагеря по вопросу о формах будущей государственности – писал в 1917 году А. Тамарин, генерал из свиты Николая II. – Эти два течения: унитаризм и федерализм. ... Федералисты исходят из следующих положений:

– Будущая государственность наша должна покоиться на двух началах. Это – общечеловечность интересов с одной стороны и свобода индивидуального развития отдельных национальностей – с другой. Особенности каждой народности должны быть сохранены, обеспечены. Сохранение национальной физиономии необходимо в интересах всего человечества»¹.

Российские тюрки отвергли османизм как политическую концепцию государственного устройства, хотя И. Сталин их подозревал в симпатиях к нему. Тюркизм не был «турецким импортом», хотя еще П. Столыпин запугивал им как перспективой «отуречивания». Правда, рамки идеологического тюркизма выходили за пределы российского социокультурного пространства. Тюркские этносы, конечно, не представляли собою современные однородные культурные сообщества. Но в федеративных конструкциях их элит отражались полезные цели Окцидента: общее гражданство вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности, равенство перед законом, увеличение роли светских организаций, начальное образование.

Российские сторонники тюркизма понимали необходимость модернизировать формы жизни, активизировать межкультурные взаимодействия.

Элиты хотели сохранить локальную культурную самобытность народов. Идеологическим обоснованием служил тезис: только народ образует законный

¹ Тамарин А. Мусульмане на Руси. М.: Издание Д.Я. Маковского. 1917.

источник суверенной власти. Его решения являются приоритетными и обязательными. Этой позиции больше соответствовала такая форма федерации как союз государств. До созыва Учредительного собрания накапливался опыт формирования протофедеральных структур власти и управления.

И. Сталин воспринимал федерализм в схемах большевизма и ориентировался не на реальную демократизацию власти, а на «преодоление национального гнета». Но, констатировал он, «окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями... Эти «национальные правительства» и слышать не хотели о социалистической революции» (Сталин, 1947: 155-167). Он изначально нацелен проводить политику более централистскую, чем русификаторскую.

С этой точки зрения Сталину знание тюркских федералистских проектов, планов, вынашиваемых элитами, правомочий, что наполнят власть больших пространств, было необходимым. Он не упускал из виду главную задачу наркома: видеть слабые места в позициях и проектах соперников. Для освоения «проблемного» поля от руководителя Наркомнаца требовалась огромная эрудиция, знание ментально-культурных, языковых и религиозных подоплек и исторических причин.

Тюркские элиты и их федеральные проекты разогрели политическое поле. Они, конечно, видели неудачный перенос на Восток западных практик, но хотели провести модернизацию своих культурных ресурсов (Кирчанов, 2010: 186). Первым шагом в этом направлении они считали необходимым создать институты власти. Об интеллектуальных способностях претендентов в ноябре 1918 года в Константинополь сообщил лидер Мусавата А.М.Топчибашев представителям стран Антанты: «Сразу же после распада Закавказской Федеративной Республики Национальным Советом Азербайджана ... сформировано правительство (Кабинет), состоявшее из 12 министров. Получив блестящее образование в лучших европейских и русских университетских и высших технических учебных заведениях, о чем свидетельствует наличие в составе Кабинета четырех докторов права, четырех инженеров, трех докторов медицины и одного доктора филологии» (Топчибашев, 1993:30).

Правительство Алаш-Орды состояло из 25 комиссаров (15 казахов). 8 членов из 15 имели высшее юридическое образование, 4 избирались депутатами Государственной думы. 5 членов Алаш-Орды (А. Букейханов, М. Чокай, М. Тынышбаев и др.) занимали должности комиссаров Временного правительства, двое (А. Букейханов, М. Тынышбаев) являлись членами Чрезвычайного комитета Временного правительства по управлению Туркестаном, двое имели солидный опыт работы в судебной системе. Среди комиссаров и кандидатов в комиссары Алаш-Орды были востоковед, инженер железнодорожного транспорта, военный врач, агроном, ученый-лесовод, математик и другие высококвалифицированные кадры. Все 15 членов Алаш-Орды избраны в Учредительное собрание (Кенжетев, 1998:87). Казахская элита, используя автономию для сплочения на базе продуктов и инструментов культуры, двигалась по пути стандартизации письменного языка, издания национальной газеты. Структуры и термины структур власти казахи перенимали у сибирских областников (Аманжолова, 2009:302).

Усложняла тюркско-мусульманские проекты сложная комбинаторика этнического и конфессионального. Эти аспекты мультиплицировались, генерируя модели, адекватные разным социокультурным условиям в

обществе. В июле 1917 г. С. Максуди стремился вписать ислам в институциональный дизайн власти новой России. Он оставался сторонником создания большой политической нации российских тюрков, хотел объединить родственные ресурсы для использования вестернизаторских практик модерна. Его ставки на религию как связующий фактор в таком контексте вполне понятны. Ислам мог превратиться в интегратор культурной идентичности. Важным принципом самоидентификации тюркских народов, их знаменем, а не только формальным признаком языкового сходства предстояло стать тюркизму.

В тюркском мире проект выделялся соотношением религиозной и светской власти. Цель Милли Идарэ: поставить духовную власть под контроль светской: администрация опиралась на светские корпорации и коллегиальные формы. В этом проекте доминировала татарская элита (Хабутдинов, 1999: 66).

По мнению Х. Максуди, основным лозунгом тюркистов было: «В национально-культурной жизни тюрки Внутренней России и Сибири, не разделяясь на племена, должны идти естественным путем под знаменем тюркизма и объединять вокруг этого знамени культурные дела»².

Среди волжских и крымских татар сохранялось влияние либеральных тенденций интеллектуального дискурса И. Гаспринского о цивилизационном единстве славян и тюрков в России, «евразийство» своего рода.

Влиятельные группы элит пытались использовать близость и родство всех интеллектуальных ресурсов и наработок, этнокультурную ситуацию в тюркском сообществе в целом, чтобы добиться признания за тюркскими этносами права самостоятельной публично-правовой корпорации.

Решение провозгласить особый Штат на Волге и Южном Урале (Идель-Урал) предоставлено Учредительному собранию. Коллегия по осуществлению автономии Урало-Волжского штата (КУВШ) должна обеспечить созыв съезда в Уфе, определить границы Штата, принять временную конституцию Штата и создать структуры управления.

Национальное собрание (Миллет меджлис) открылось в Уфе 22 ноября 1917 года, в нем участвовало более 80 человек. Председателем был избран С. Максуди; его заместителями – И. Ахтямов, И. Алкин. В этот день Национальное собрание приняло «Основы национально-культурной автономии мусульман внутренней России» как Конституцию. 16 января 1918 года Конституция была опубликована в официальном органе Национального управления в журнале «Мухтариат» (Исхаков, 2004: 505).

3 января 1918 года на сессии Миллет Меджлис, выступая от имени КУВШ, Г. Шараф доложил о трех проектах проработки территориального, демографического и этнокультурного аспектов.

Миллет Меджлис остановился на втором проекте, известном как вторая карта Идель-Урала. Вмешательство центра в вопросы образования, развития духовности и культуры Штата Идель-Урал считалось недопустимым, но признавалось согласие решать сложные вопросы путем открытых дискуссий и убеждений.

Правовой базой для воплощения проекта в жизнь стало принятие 5 января 1918 г. Всероссийским Учредительным собранием «Постановления о государственном устройстве России». В соответствии с ним на следующий день Миллет Меджлис заявил о рождении субъекта новой федерации — штата Идель-Урал: «Идель-Урал Юлкъсе, являясь по способу своего правления

---

² Кадыри З. Тормыш, 1917: 26 ноября

народной республикой, вместе с другими «улькя» (государствами) образует Российскую Федеративную Республику» (Хабутдинов, 2013: 15). Документ должен был претерпеть изменения в ходе переговоров с центральным правительством и федеральным парламентом.

Лидер башкирского национального движения А.-З. Валидов на заседании Миллет Меджлис не поддержал проект. 6 января 1918 г. он заявил: общешкирский съезд учредил Автономную Башкирскую республику. С согласия Башкирского курултая создается Временное правительство под председательством Ш. Манатова. Против Идель-Урал Штата от имени Мусульманского комиссариата в Казани в конце февраля 1918 года выступил и М.Султангалиев. Произошло размежевание татар и башкир относительно общей публично-правовой корпорации тюркских этносов в Российской Федерации.

Г. Исхаки публично обвинил Валидова в расколе тюркского единства, назвав его амбициозным молодым человеком: «Заки Валиди ... вместе с провокатором Шарифом Манатовым, обидевшись на то, что их не избрали в Центральный комитет I Всероссийского съезда, подбрасывают на политическую арену «башкирский вопрос». Мотивы конфликтов и с другими деятелями, считал Исхаки, в стремлении занять руководящий пост. Поддержал Исхаки М. Чокаев (Из истории: 1999: 91).

Чувашские депутаты в Учредительном собрании эсеры Д.П. Петров-Юман и Г.Ф. Алюнов планировали использовать проект Идель-Урала: чуваша (тюрко-язычные христиане) в их представлении, не имели достаточных ресурсов для национально-территориального штата. Но они и «не возлагали никаких надежд на Советскую власть в деле разрешения национального вопроса» – писал чувашский эсер А.Д. Краснов.

Проект вхождения в «штат, который предполагают в ближайшем будущем осуществить мусульмане в местностях с тюрко-татарским, финским и русским населением» чувашские лидеры сочли перспективным сложением политических ресурсов: «у мусульман для осуществления своих стремлений имеются и силы и инициатива». В проекте они видели свой этнос самостоятельным субъектом и штата, и России как федерации. Чуваша заняли бы положение «третьей силы», что не только смягчало бы противоречия между тюрко-татарской мусульманской и русской православной элитами и уберегло от гражданской войны внутри штата³. Сотрудничество с родственными тюрками открывало бы путь к общероссийским ресурсам, прежде всего, культуре, их развитию и обогащению. Всероссийский чувашский военный съезд 12 января 1918 г. в Казани принял этот вариант самоопределения чувашей в федеративной России.

На Втором Всероссийском мусульманском военном съезде 8 января – 18 февраля 1918 года готовилось провозглашение штата Идель-Урал. На съезд прибыли представители башкирского, чувашского, марийского, литовского, польского, белорусского, татарского народов, Украинской Центральной Рады и др.

19 января 1918 года решение о вхождении чувашского народа в создаваемый штат принято практически единогласно. Решено провозгласить штат до 25 января. Избрана контактная комиссия со специальной мусульманской коллегией. Но не утихали споры татарских и башкирских деятелей. Председатель башкирской фракции съезда Т. Имаков доказывал:

³ Государственный исторический архив Чувашской республики (ГИА ЧР). Ф. 499. Оп. 1. Д. 10. Л. 20-21

«нужно придерживаться такой идеи: первоначально утвердить Башкирский штат, а затем к Башкирии присоединить Казань» (Юлдашбаев, 1984: 52).

1 февраля 1918 г. в Казани должен состояться областной съезд Советов: «И, безусловно, этот съезд будет против штата, – отмечал чувашский лидер И.В. Васильев, – ... вот почему – Советы состоят главным образом из русских, притом большевиков. А отношение ... большевистской власти к национальному движению известно. Поэтому осуществление штата после съезда может привести к гражданской войне». Так, по сути, и произошло.

На другом конце России события октября 1917 г. активизировали этнокультурное движение. Якутские интеллектуалы выступили его идеологами. В далекую Якутию М.К.Амосову 13 октября 1917 г. из Томского учительского института писал П.А. Ойунский: «Нам необходима автономия территориально-национальная и культурная, полная, вплоть до федеративного устройства». К концу 1917 года Якутский трудовой союз федералистов насчитывал 1198 членов в 20 комитетах⁴. Его лидеры - Г.В. Ксенофонов, историк, избранный в Учредительное собрание, В.В. Никифоров, писатель и журналист, кадет с 1917 года, С.А. Новгородов лингвист и др., уделили большое внимание развитию якутской культуры. «Каждая народность, населяющая Россию, – подчеркивалось в программе, – имеет право на полное культурное самоопределение, употребление родного языка в общественной жизни и публично-правовых учреждениях, открытие национальных школ, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы, культуры и самобытности каждой народности»⁵.

26-29 ноября 1917 года в Коканде на IV Чрезвычайном Всетуркестанском съезде Туркестан объявлен автономией Федеративной демократической Российской республики. С проектом «Юго-Восточного союза» выступил атаман А. Дутов. Он предложил объединить области казачьих войск, казахские, киргизские, калмыцкие, башкирские земли к югу и востоку от Оренбурга, а также земли кавказских горцев и азербайджанских татар. Вопрос вызвал бурные прения (Алексеев, 1931: 21-23). С. Герцфельд, будущий министр финансов правительства Кокандской автономии, отмечал: «Утром выступал в защиту мусульман против некоторых зубров. Говорил о федеративной республике, национальном самоопределении т.п. Имел грандиозный успех» (Мякотин, 2015).

Создан Временный Совет. Председателем и министром внутренних дел избран М.Тынышпаев, бывший депутат Государственной думы, из Мусульманской фракции. Сменил Тынышпаева М. Чокай, – тюркист. Он считал: каждый тюркский этнос может представить собственный проект федерации. Но «построить сходу полнокровное государство нелегко. Для этого нет ни кадров, ни опыта... Как бы ни была ослаблена Россия, она гораздо сильнее нас. С Россией мы должны жить в мире и дружбе. Это диктует сама география». Этот подход разделял Ш.И.С. Шагиахметов, избранный в Учредительное собрание. Близкий народным социалистам, он примыкал к «ленинскому течению», но был членом Всероссийского Милли-Шуро. Во Временном правительстве Кокандской автономии первого состава он – вице-премьер.

Провозглашенный 16 февраля 1918 года Идель-Уральский штат (Забулачная республика) ликвидирован большевиками 16 марта того же года. Это означало: реальный федерализм будет существенно отличаться от

⁴ Вольная Сибирь. 1918, 10 апреля

⁵ Программа Якутского трудового союза федералистов. – Якутск, б.г.и.

той идиллии, которая заявлена большевиками в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа на III Всероссийском съезде Советов.

Хотя федеративные проекты тюркистов оспаривали те, кто в основу клал интересы отдельных этносов (А.-З. Валидов и др.), тюркско-мусульманские федералистские проекты вполне могли быть обсуждены новой властью, учитывая декларации советской власти о Советской федеративной республике. Вышеупомянутые мотивы (и отношение к европейским практикам, и влияние тюркистского компонента на осмысление перспектив культур (а в нем и судьба родных языков, и неугасимый авторитет проектов И.Гаспринского, и остаточное воздействие пантюркизма и др.) в разном соотношении заполняли горячую атмосферу Петрограда. Не стоит сбрасывать со счетов и личные мотивы: опасения потерять бывший авторитет, связи и поддержку.

Как же повел себя Сталин, с учетом того, что Учредительное собрание было большевиками разогнано? Сталин начал переговоры с некоторыми членами Учредительного собрания. Информация о их содержании достаточно противоречивая. Ее и нет в достаточном количестве, особенно, о переговорах с Максуди. Однако достоверно, переговоры велись и до открытия, и после разгона Учредительного собрания.

Особый интерес Ленина к личности А. Цаликова вызывала его позиция на II Всероссийском мусульманском съезде в Казани летом 1917 года. Социалист и «унитарист» Цаликов поддерживал идею национально-культурной автономии. Критикуя «Робеспьеров Чебоксар и Тетюшей ... вред, который приносит общему делу бесчестности этих лиц», Цаликов говорил: «Я ... выступал против федерализма ... Вопрос о федерализме, это вопрос, главным образом, населения окраин». Но, добавлял он «Если после свободного взвешивания за и против этот вопрос будет решен окраинами в том или ином смысле, то это и будет голос политического самоопределения этого населения. Конечно, это «самоопределение» должно встретить, в конечном счете, поддержку каждого, кто признает право народа на самоопределение»⁶.

25 декабря 1917 года газета «Йолдыз» в статье «Большевики и мусульмане» опубликовала сообщение о начавшихся в Петрограде переговорах И. Сталина с председателем Всероссийского Милли Шуро А. Цаликовым. Встреча состоялась в здании Всероссийского Милли Шуро. Цаликов требовал реального учета этнокультурных, бытовых и религиозных особенностей, «с особой силой сказывающихся» в местностях с «преобладающим мусульманским населением». Следовало признать Россию Федеративной Республикой уже образованных, а также образующихся штатов, таких, как «Поволжье», «Южный Урал», «Туркестанский» и др.; признать всю полноту власти за Учредительным Собранием (Ленин и Башкирия, 1984:368). Сталин же предложил Цаликову возглавить (по сути, перекупая его) советский комиссариат, который, по его словам, избирался бы президиумом всех мусульманских народов. Заместителем комиссара был бы мусульманский социалист (Мухетдинов, Хабутдинов, 2011:30).

Цаликов обсудил вопрос с Милли Меджлисом и Всероссийским Милли Шуро. Принять предложение Сталина отсоветовал ему С. Максуди (Мухарямов, 1989: 8). Цаликов заявил: в его «Открытом письме» в адрес СНК выражено отношение мусульман России к большевистскому правительству.

---

⁶Мусульманская фракция, 1917: 22

Письмо опубликовано в ряде татарских газет: мусульманами «такое одностороннее правительство» не будет признано (Хабутдинов, 2001: 25).

М. Вахитов, в результате возглавивший Мусульманский комиссариат, не оставив воспоминаний, вскоре погиб. Другие участники остереглись откровенно писать их по понятным причинам. Лишь Ш. Манатов вспоминал, что по совету В.И. Ленина он с Вахитовым и Ибрагимовым вели переговоры с другими мусульманскими депутатами Учредительного собрания, которые, однако, отказались от сотрудничества с большевиками и советской властью. Тогда, рассказывает Манатов, «мы втроем решили образовать мусульманский комиссариат. Через 4-5 дней наш декрет... подписан Лениным» (В.И. Ленин и Башкирия, 1984: 368).

А.-З. Валидов привел более приземленные мотивы, побудившие Манатова к сотрудничеству. Они касались «отношения ... с остальными лидерами башкирского движения». «Он тяжело переживал, что курултай не возложил на него никаких ответственных обязанностей, его открыто нелице приятно упрекалив связях с монархистами и реакционерами, подаренная ему шуба стала предметом насмешек. Он оказался в изоляции и когда высказал пожелание выехать в качестве члена Учредительного собрания в Петроград, Хурматулла ему сказал: «Ты поедешь не в Учредительное Собрание, а к своему товарищу Ленину, чтобы помочь ему разрушить Учредительное собрание и всю демократию. Там похвалят тебя за то, что ты здесь вкупе с монархистами пытался разрушить наше начинание». Центральное Шуро и правительство предоставили ему возможность поступать по его усмотрению и по делам Башкортостана никаких обязанностей на него не возложили. Манатов вошел в комитет коммуниста Муллагура Вахитова, который действовал против нас» (Заки Валиди Тоган. 1994: 220).

Член мусульманской социалистической фракции Учредительного собрания Г.Ибрагимов летом 1917 г. поддерживал идею федерации. Осенью 1917 года он одобрил создание Штата Татарстан как территориальную автономию. Привлекательность идеи для Ибрагимова заключалась в том, что автономия имела бы государственные институты управления. Правительство автономии, контролируя бюджет территории, назначало бы своих сторонников на ответственные посты. В 1917 году эсеры, сторонники Ибрагимова уже возглавили отделы мусульманского просвещения в уездных управах.

Ибрагимов покинул Учредительное собрание вместе с большевиками после встречи со Сталиным, тот предложил организовать советский мусульманский комиссариат. А.Хабутдинов относительно перехода его в сталинский Наркомнац, считает: «это история о договоре с властью, которая позднее откажется от своих обязательств и потребует крови от подписавшего договор. А все начиналось так оптимистично» (Хабутдинов, 2003: 123).

Ибрагимов встретился с депутатом от Казанской губернии М. Вахитовым. Оба уговаривали А. Цаликова. К ним присоединился Манатов. Но Цаликов, выступая 5 января 1918 на заседании Учредительного Собрания, негативно оценил первые политические действия СНК: «С особой ясностью несостоятельность новой власти сказалась в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими её народами права на территориальное и национально-культурное самоопределение». Он считал: мусульмане, «оставаясь на почве великой древней культуры», хотя и «приобщиться к современной культуре великих завоеваний человечества. Мы хотим идти собственным путем ... к великим человеческим целям», но «здесь сказывается ... странное

пренебрежительное отношение к народам Востока», которых считают «людьми низшей расы» (XX век и Россия: общество, реформы, революции, 2014: 185). Чокаев, избранный в Учредительное собрание от Ферганы, возмущался: «Советская власть в Туркестане началась с огульного отрицания за местным коренным населением права на участие во власти: ... включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой власти является неприемлемым... Какая же это была бы власть в мусульманской стране без мусульман?»⁷ (Тагеев, 1927:65).

Как видим, элиты практически всех крупных и средних этносов тюркской языковой группы имели планы, проекты и соображения о федералистских перспективах в составе России. Но их разделяло важное отличие. Часть из них (преимущественно татары с наиболее развитой инфраструктурой культуры) строили проекты на тюркистской основе с привлечением ислама как культурного ресурса. Делалась ставка на совокупность ресурсов, существенно умножавшая силы сообщества.

Другие тюрко-язычные активисты строили планы на этнокультурной (индивидуальной) основе. Единства не было. Реальность заключалась и в том, что с переходом власти к большевикам заманчивыми казались будущие должности в структуре новой власти.

Какой же выбор сделает Сталин? В поле зрения попадают активисты протофедеральных структур периода февраля-октября. Сталин нацеливался поставить под контроль центральной власти уже созданные Милли Шуро (законодательную ветвь, ее возглавлял А. Цаликов) и Милли Меджлис (исполнительную ветвь, ее возглавлял с 5 января 1918 года С. Максуди). Конечно, социалист и «унитарист» Цаликов, поддерживавший идею национально-культурной автономии, лучше подходил для сотрудничества на посту главы Мусульманского комиссариата. Переговоры с С. Максуди (если только они состоялись!) завершились неудачей.

На сотрудничество пошли фигуры второго ряда. М. Вахитову, возглавившему Мусульманский социалистический комитет (МСК), пройти в Учредительное собрание помог А.Цаликов, отдав свое место в Казанском списке. Он прибыл в Петроград уже *после разгона* Учредительного Собрания. В этот же день, 6 января 1918 года он встретился с Г.Ибрагимовым, они обсуждали предложение Сталина организовать мусульманский комиссариат как структуру общероссийской советской власти. В *тот же день* они уговаривали А. Цаликова возглавить комиссариат. 7 января 1918 года происходит встреча Ленина и Сталина – с ними и Манатовым как с депутатами Учредительного собрания.

Публицист Вахитов, защищавший с юношеским идеализмом идеи возрождения ислама на страницах «Мусульманской газеты», понравился Сталину. Вахитов видел прогресс мусульманских народов в достижении цели, «где среди вечной весны огнями ликования сияет святая Кааба тихого мира и неиссякаемой любви». Там, надеялся он, «родятся новые Харун-аль-Рашиды, аль-Батани, Аверроэсы» (Вахитов, 1967: 29). Цель Мусульманского социалистического комитета: «под жизненными лучами социализма расцветет великая культура ислама, и создателем этой культуры будет являться не буржуазия, а простой народ». Идеи федерализма М. Вахитова отличались от идеи тюркской федерации С.Максуди. Он искал корни федерации не в тюркизме, а в древнем болгарском государстве, по его мнению,

⁷ Тагеев Р.Б. В долине роз и крови. М.:-Л. ГИЗ, 1927.

представлявшем собой федерацию. А. Беннигсен считал возглавляемый Вахитовым МСК «школой национализма» (Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch., 1960:71).

Другой участник встречи уфимский эсер Г. Ибрагимов надеялся на сотрудничество буржуазии и трудящихся в вопросах школы, образования, языка, театра и религиозного управления. Силой жизненных обстоятельств, считал он, турки России разделены на пять наречий. Каждое из них имеет свою азбуку, литературу, синтаксис и морфологию. Ибрагимов включал в федеративный проект пять отдельных штатов: Казахстан, Кавказ, Туркестан, Татарстан и Крым.

Базу Ибрагимова и Вахитова составлял мусульманский пролетариат, сельское население, татарское студенчество – офицеры военного времени. Основной задачей было провозглашение национальной территориальной автономии на Средней Волге и Южном Урале в составе Российской федерации.

Но Ленин не оставлял надежд привлечь более солидных политиков. Манатов вспоминает: он и 7 января вновь выяснял возможность привлечь на сторону Советской власти Цаликова, после чего они несколько раз беседовали с ним. Но Цаликов «не осмелился участвовать вместе с нами» (Образование Башкирской АССР, 1959: 84).

Точнее историю «уговоров» Цаликова не восстановить, но «федеративные» мотивы сторон понятны. Для Ленина важнее больший политический «вес» Цаликова, для Сталина немалый аппаратный вес Цаликова делал его опасным соперником. Для них обоих он – противник федерализма: он носитель идеи иной природы власти. В итоге им пришлось остановиться на Вахитове, Ибрагимове и Манатове. Те решили сотрудничать с властью.

Декрет СНК об учреждении Комиссариата по делам мусульман Внутренней России принят 17 января 1918 года. Конечно, в названии отразилась цель установить контроль советской власти над этнокультурным многообразием мусульман. В тексте декрета указывалось: комиссариат учреждается при Наркомнаце. Подчеркивалось: комиссаром назначен «член бывшего Учредительного собрания от Казанской губ. Мулла Нур-Вахитов». Он – глава МСК, оппонент Милли идаре и С. Максуди, федералистскому туркистскому проекту. Название отразило борьбу с федералистами, с их идеей культурно-лингвистического (тюркского) единства мусульман.

Задача Сталина: соединить кадровые ресурсы Мусульманского комиссариата Наркомнаца и МСК, как социально и политически «близких» друг другу в этот период удалась. Неважно, что после Октябрьского переворота на совместном заседании национальных организаций Казани 8 ноября 1917 года Вахитов поддерживал передачу власти в России в руки Учредительного Собрания, а у татар – в руки Миллет Меджлиса. Неважно, что он, по словам председателя Казанского ВРК К.Я. Грасиса, продолжал прокламировать «отблеск идей панисламизма». Он влиятельный в левых «кругах», его политический почерк казался решительным, эмоциональным, проникнутым стремлением охватить большинство сторон общественно-государственной жизни в центре и на местах.

Выбор Сталина пренебрег сведениями «информатора» Наркомнаца Эдгема Булбуловича сообщенных «наверх». Казанский журнал «Эхо веков» недавно опубликовал характеристику Булбуловичем Вахитова: «Вахитов является человеком с очень богатой фантазией, но очень плохим

администратором и партийным вождем. Он оставил реальную почву и бросился в атмосферу фантастики. На словах он сильный, а на деле очень слабый революционер. Вахитов, как очаровательный оратор, своим красноречием вводит многих в заблуждение и заставляет пойти за ним. Он не соответствует своему назначению. Люди такого свойства не смеют занимать ответственного поста», «Вахитов больной, нервный и самолюбивый человек и требует всеобщего подчинения ему и его капризам» (Эхо веков, 1997: № 3/4). Как ни относиться к оценке Булбуловича, скорее, субъективной, подобные оценки раскрывают «кухню» не только политических и «кадровых» ставок в Наркомнаце, но и подоплеку отношения Сталина к носителям федералистских практик. Но в записке членов коллегии Наркомнаца в ЦК РКП (б) от 16 мая 1918 года о конфликте Сталина с членами комиссии по устройству Татаро-Башкирской республики оценка Булбуловича подтверждалась: «т. Сталин выдвинул кандидатуру т. Вахитова, мусульманского комиссара, октябрьского большевика такого сорта, на который коллегия Народного комиссариата ни в коем случае согласиться не может»⁸. В воспоминаниях Ш. Манатов отмечает: Ленин, говоря о создании «центрального мусульманского учреждения», подчеркивал: «Надо поспешать», «Нельзя затягивать это дело» (Педагогический журнал, 2008, № 1 (14): 131).

Очевидны карьерные мотивы тех, кто шел сотрудничать. Манатов в Мусульманском комиссариате возглавил отдел просвещения. Статус «бывших» членов Учредительного собрания повышал статус советского органа власти и служил противовесом другим членам Учредительного Собрания, оставшихся на антисоветской платформе. Когда Башкирское шуро в Оренбурге за сотрудничество с Советской властью потребовало ареста Манатова, Сталин в марте 1918 года в телеграмме поднял его статус еще выше: он «уже стал членом Мусульманского комиссариата при Совнарком РСФСР» (Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 6).

Сталин поручил Манатову разработать Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике, реализуя советское представление о федерализме. Получился тот же штат Идель-Урал, но на советской платформе. Проекту «суждено было потерпеть фиаско, так как движение это возникло не в самих массах, а в головах идеологов, т.е. оно было движением не народным, а навязанным ему сверху». При этом «преследовалась цель дезавуировать движение башкир, татар и других народов региона за национальное самоопределение».

Теоретического обоснования планируемой республики не обнаружено, но разнообразной была пропагандистская работа. Переводились первые советские декреты, литература социалистической направленности, брошюры о советской власти, об известных личностях, политических деятелях.

8 марта 1918 года Вахитов провел в Москве конференцию мусульманских рабочих России, объединившую коммунистов и сочувствующих мусульман из Казани, Москвы, Петрограда, Архангельска, Мурманска, Самарканда и Коканда. Рассматривалась организация связи с русскими структурами управления, т.е. советами. К концу 1918 года у Центрмускома будет 69 филиалов по всей России, их наличие давало перевес мусульманским автономным организациям, уменьшало авторитет советов. Самым активным был Казанский комиссариат, его возглавлял М. Султангаиев. Комиссариат был образован 21 февраля 1918 года еще МСК.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 2. Д. 883. Л. 2-3

С 23 по 31 мая 1918 года Султангалиев и Вахитов провели в Казани съезд мусульманских учителей, избравший Центральную мусульманскую научную коллегию, которая должна была возглавить работу по народному просвещению в мусульманских регионах. Коллегия разработала проект организации Мусульманского университета в Казани, Музея Востока и Центральной мусульманской библиотеки. Центрумском вел пропаганду через прессу: за десять месяцев (с января по ноябрь 1918 года) издано более четырех миллионов экземпляров газет на татарском, киргизском (казахском) и турецком языках, не считая 229000 экземпляров различных брошюр, воззваний, манифестов. В Москве на татарском языке выходили: *Cuġra* («Утренняя звезда»), *Kızı Armija* («Красная Армия»), *Esce* («Трудящийся»). Региональные мусульманские комиссариаты имели свои самостоятельные печатные органы в Казани, в Уфе, в Астрахани и т.д. В мусульманских структурах выделялись своеобразные интеллектуальные механизмы, с их помощью коммунизм шагнет во все отдаленные уголки Азии.

Летом 1918 года мусульманские социалисты подошли к идее создания исламской социалистической республики, создав государственный аппарат, партию и армию. Две родственные «иллюзии»: религия и социализм внезапно обратились друг к другу, перепутав и смешивая карты большевикам. В первые месяцы мусульманские организации, независимые от местных советов, контролировались Центрумском. Их культурно-просветительные отделы, открываясь первыми, часто создавались вопреки воле местных советов. Они сохраняли автономность мусульманской организации «в эпоху, когда многое делалось еще анархическим образом, представляли собой для мусульманских масс одновременно политический центр и организацию, занимавшуюся образованием...». Однако общая ситуация в России была слишком угрожающей, чтобы Сталин, представлявший центральную власть, мог поддерживать эту тенденцию.

С созданием Центрумсома Сталин получил частичный контроль над религиозным компонентом татарского и башкирского движения. В апреле 1918 года он вместе с Вахитовым подписал постановление о ликвидации Милли шуро и в мае 1918 года о ликвидации Милли идаре.

Центрумском действовал в русле, адекватном политическим задачам советского федерализма. Но Вахитов и Сталин довольно быстро разошлись в подходах. Стиль действий Сталина, расчленявшего исламское культурно-политическое пространство и его структуры по этническому признаку, напоминал действия имперского Петербурга. Центрумском переименован в Татаро-башкирский комиссариат, но сопротивление переименованию достигло такой остроты, что приняло драматический характер и грозило организационным расколом. Вахитов сообщил Сталину: «Ввиду разногласий в вопросе реорганизации комиссариата и ввиду не нахождения общей линии компромисса весь состав комиссариата выходит в отставку» Документ подписали Г. Ибрагимов, Ш. Манатов, Ю.Ибрагимов, И. Асякаев и др. (В мире научных открытий, 2014: 1).

Разногласия пытались снять «усилив» классовый и региональный компонент в названии комиссариата. Отдел по делам мусульманского пролетариата Кавказа и Туркестанав апреле 1918 года состоял из трех (на самом деле четырех) подразделов: по делам Северного Кавказа и Дагестана, Крыма, по делам Туркестана и по делам Закавказья. Далее выделялись национальные отделы. «Классовая» нота в названии не прижилась. Перевесила «этнокультурная», более соответствуя федеративному дискурсу.

Но конфликт не был исчерпан. 10 октября 1918 года в СНК РСФСР поступила «Апелляция Центрального мусульманского комиссариата в СНК на постановление Наркомнаца от 9 октября 1918 года по поводу непризнания временной инструкции об отделах Наркомнаца на местах и письмо от 31 октября 1918 года об ее отзыве».

Коллегия Наркомнаца 19 октября приняла проект об организации местных отделов Наркомнаца, согласно нему их права сводились «почти к нулю». Право руководства «в финансовом и политическом отношении у них отпадает, так в этом отношении они, являясь лишь секцией общих отделов Наркомнаца, всецело подчиняются непосредственно Наркомнацу».

Ценмуском не согласился на ограничение прав местных органов, а стало быть, и его самого. На заседании 17 октября 1918 года коллегия Ценмускома решила в случае поддержки проекта коллегией Наркомнаца, обжаловать его в СНК, а в случае утверждения СНК, «оставить за собой право апелляции в Шестой Всероссийский Съезд Советов». Основными пунктами расхождения Центрмускома с коллегией Наркомнаца стали «следующие положения и принципы: 1) Конструкция Наркомнаца и национальных комиссариатов должна определяться теми принципами, которые положены в основу образования Российск. Социал. Федерат. Советской Республики, а именно: принцип свободного федерирования трудовых элементов отдельных наций и вытекающий отсюда принцип культурно-национальной автономии для пролетариата этих наций. ... Что же касается ... проекта, то он в корне противоречит выдвигаемым Центрмускомом принципам ... стремится как раз ... к распылению частей единого целого и к сведению таким путем на нет аппаратов культурно-национальной автономии отдельных национальностей».

Далее СНК напоминалось: созданные для мусульман внутренней России и Сибири национальные парламенты (миллет меджелисы) вылились в 1917 году в форму временных национальных правительств территорий. Развитие Октябрьской революции, выдвинувшее лозунг диктатуры пролетариата, потребовало уничтожить эти организации, заменить их теми, что построены по классовому принципу. Ими и явились комиссариаты по мусульманским делам. Далее напоминалось: «В моменты, когда спровоцированные правыми эсерами и меньшевиками русские красноармейские части организовали в Казани восстание против Советской власти, красноармейцы Мусульманского комиссариата в один голос заявляли, что они с оружием в руках принудят их признать Советскую власть. То же самое можно сказать и относительно Уфимского комиссариата... когда русские селения проявляли враждебное отношение к советским войскам, мусульманское население выражало им свое сочувствие, всячески помогая им и облегчая их борьбу с чехословаками». Документ подписали председатель Центрмускома М. Султангалиев и члены коллегии Кильдибяков, Гайнуллин, Альмухаметов.

31 октября 1918 они же уведомили СНК: «Внесенная ... 24-го октября в Совет Народных Комиссаров апелляция ... берется им обратно, а потому и не будет защищаться»⁹.

Это фрагмент показательной пробы сил: он окончился поражением М. Султангалиева: тот не понимал силы административного ресурса центральной власти.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) ф. Р-1318. Оп. 17. Д.19. Л. 49-51об., 54

В результате «маневра» комиссариат переименован в Татаро-башкирский, орган с узкими полномочиями. Сталин изгнал исламские названия из своих структур управления. Они заменялись национальными. Политические и идеологические функции переходили к Центральному бюро коммунистических организаций народов Востока. Сталин, его председатель, продвигал подход «разделяй и властвуй!».

Но к этнокультурным названиям органов власти на местах склонялись элиты не только тюркской группы. ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в Декларации об образовании Горской республики подчеркнул федералистскую основу объединения семи самостоятельных «штатов»: Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, Карачаево-Балкарии, Кабарды, Адыгеи, Абхазии. В программе Союза еще до октября 1917 года указывалось: «Первым условием для проведения демократических начал свобод горцы признают установление в России через Учредительное собрание Демократической Федеративной Республики ... Только федеративное государственное устройство, т.е. союз отдельных самоуправляемых автономных областей, с особыми законодательными палатами ... без всякого участия центральной власти, во главе с единой общероссийской палатой или конгрессом соединенных штатов Российской Республики, выбранным палатой президентом и ответственным перед палатой министерством, явится наилучшей формой правления».

Горское правительство отменило советские декреты, опубликовало Декларацию независимости Республики Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана: «В виду царящей в России анархии и, пользуясь признанным самим Петроградским правительством правом за всеми народами бывшей империи царей свободно создавать свою политическую будущность, Правительство Союза Горцев 11 мая 1918 г. опубликовало декларацию: 1. Союз Горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство...»¹⁰ (Тахо-Годи, 1927: 61-62).

Сталина раздражали северокавказские федералистские проекты. Он возмущался: «что это за загадочные «правительства», откуда они пришли?»¹¹

На первом Северокавказском краевом съезде советов в Екатеринодаре 7 июля 1918 года Г.К. Орджоникидзе выдвинул «советскую» альтернативу Горской республике: появившиеся Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую республики объединить «в единую Северокавказскую Советскую республику - часть великой Российской Советской Социалистической Федеративной Республики». «Тогда Республика Северного Кавказа, сольется со своими соседями в единую Южнорусскую социалистическую Республику».

В июле 1918 года представители горцев Северного Кавказа, приехавшие на V Всероссийский съезд Советов, сформировали аппаратный ответ федералистам Горского правительства. Делегат съезда карачаевец У.Д. Алиев назначен руководителем нового отдела горцев в Наркомнаце. Он отдавал приоритет работе с тюркскими этносами. В 1918 году в Кисловодске и Пятигорске в Советах созданы «горские отделы по делам карачаевцев под руководством группы революционно настроенной молодежи Карачая, более или менее старавшейся проводить идеи советской власти в Карачае» (Чеботарева, 2003:123).

¹⁰ Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала 1927.

¹¹ Правда. 1918. 1 июня

Симптоматична родственность тюркизму идеи «северокавказской нации», названия, применявшегося к народам Северного Кавказа. Для построения теории государственности использовались понятия «кавказской» и «северокавказской солидарности». Сложность применения заключалась в отношении к особому языковому разнообразию народов. Многие интеллектуалы считали это непреодолимым препятствием для формирования единой северокавказской нации. По поздним оценкам эмигрантов-горцев «пышно расцвел узкий национальный эгоизм. Умы кавказских государственных деятелей всецело были заняты устройством отдельных народов, каждый ограждал и устанавливал только свои границы, не обращая внимания на то, что делалось у соседей» (Бабич, 2012:123). Важный мотив: сложение имеющихся ресурсов, как и в тюркском сообществе, в северокавказском сообществе предполагалось использовать для повышения конкурентоспособности. Осетин Б.Билатти позже писал: «Федерация не терпит принуждения... Федеративная связь может заключаться только между величинами материально и духовно равноценными. В противном случае она рискует превратиться в ширму, под прикрытием которой сильный будет стремиться поглотить слабого».

Осмысляя в эмиграции, политические практики первых лет после 1917 года, Билатти подчеркивал: «Геополитическое положение Северного Кавказа и общие условия, в коих он пребывает ... ставят нас в такое исключительное положение, при котором не только не следует базировать идею национального возрождения на племенном партикуляризме, но, смеем думать, и сама мысль ... является опасной для нашего общенационального дела». Поэтому у народов Кавказа нет другого пути, как внедрять идею «национального централизма». О горском единстве писал и кабардинец Э.А. Бекович-Черкасский: «Мы объясняем наше единство тем, что в горском религиозно-общественном быту лежат основы старых исторических культур, влиявших веками на самобытность горской массы» (Бекович-Черкасский, 1929: 123). Любопытны поздние проекты противодействия большевистскому федерализму. Зимой 1935 года при Восточном Институте в Варшаве специальная комиссия планировала разработать унифицированный алфавит и создать единый язык для всех северокавказских народов.

В каждом регионе принимались свои организационно-управленческие решения, вокруг них разворачивались политические процессы. Рассмотрим их специфику в среде казахской и среднеазиатской элит. В программе партии «Алаш» указывалось: «форма государства Россия должна быть демократической, федеративной республикой».

После 1917 года структуры казахских автономистов обретали организационные контуры. В декабре 1917 года по инициативе А. Букейханова на II Всеказахском учредительном курултае провозглашена Алашская автономия «в целях спасения области Алаш от общего развала анархии». Высшим органом власти стал Временный Народный Совет - Алаш-Орда, председателем избран А. Букейханов. Конституцию автономии Алаш должно утвердить Всероссийское учредительное собрание.

На заседании общекиргизского съезда в Оренбурге 5-13 декабря 1917 года М. Чокай заявил о создании Туркестанской автономии. Федерализм не обособлял ее от Алашской автономии. Чокай считал необходимым вхождение Туркестана в Алашскую автономию. В дискуссиях по поводу федерализма и автономизма А. Букейханов высказывался за межэтническую интеграцию: «это дело не партийное...». Однако он опасался консервативных

религиозных традиций, переходящих в Средней Азии в религиозный фанатизм. Д. Аманжолова относит процессы к разным вариантам региональной консолидации элит.

А. Букейханов считал важным избегать прямого столкновения с Советской властью в условиях, когда «большевизмом, как эпидемией, был заражен весь организм русского государства», а его разрушительная сила достигла кульминации. По его мнению, оно «вовлекло бы казахское население в кровавую бойню, ... и дало бы подонкам казахского общества возможность вторгнуться идею большевизма в степь, вызвать дифференциацию в обществе и, таким образом, разрушить основы и традиции веками сложившегося национального нашего быта».

Как в случае и с горскими этносами Северного Кавказа, аппаратным решением создан киргизский отдел в Наркомнаце. В июне М.Х.-Г.Тунгачин, учитель из Социалистической партии Киргизии, прибывший на V Всероссийский съезд Советов, назначен руководителем отдела.

Этнические лидеры, вошедшие в состав правительств типа Милли идарэ, Алаш-орды, Икомуса, Горского, Башкирского и пр. сильно отличались уровнем и наличием политического опыта. В. Зеньковский их отнес к «среднему типу ... учителя, журналиста, адвоката. Но разве можно сравнивать их по владению идеологическими технологиями, по опыту, выдержке и революционной настойчивости с деятелями русской революции (Лениным, Троцким и др.), которые прошли теоретическую школу Западной Европы. «Мечтатели и литераторы» (Протопресвитер Василий Зеньковский. 1995:123). Но и те, и другие, во-первых, стремились попасть в центральные структуры власти, стать ее партнерами, надеясь соотнести личный опыт, традиции своего этноса с реальными политическими процессами. Последние отражались в дискуссиях о выборе модели развития, контроле над издержками в формировании прямых и обратных связей этнического с унификационным. Многие перемещались в центр событий, используя пафос идеологических лозунгов для продвижения собственного политического, символического, информационного продукта. Важно, во-вторых: они «облучали» друг друга с разных «этажей» регионального или общероссийского масштаба.

Вывод. Тюркский вариант федерализма, начав с религиозного компонента, даже, поместив его в центр своей конструкции, под влиянием не только обстоятельств, но и интересов своих элит трансформировался в этнокультурный вариант автономизма. Для Сталина, руководителя центрального наркомата, одинаково неприемлемы были как практики С. Максуди (объединение на почве тюркизма и ислама), так и практики А.-З.Валидова (если федерация, то только честная!). 10 мая 1918 года Сталин на конференции по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики критиковал деятельность татарских, башкирских, казахских национальных структур. Они, по его мнению, добивались одного: чтобы центральная власть не вмешивалась в их деятельность и не контролировала их. «Дайте нам, – интерпретировал он их требования, – автономию, мы тогда признаем центральную Советскую власть, но местных советов не можем признать, они не должны вмешиваться в наши дела, мы организуемся, как хотим, как знаем». Сталин отрезал: Советская власть не признает такие автономии¹². Работники Наркомнаца М. Вахитов, К. Якубов и Г. Ибрагимов, авторы проекта Татаро-Башкирской республики, поддержали его. Но

¹² Известия ВЦИК. 1918. 21 мая

башкирский лидер Валидов, не поддержавший проект Максуди общетюркской федерации, ранее опасавшийся доминирования татар, теперь пришел к выводу: «Политика Советов лжива, коварна: может быть, в Центре и есть хорошие люди, однако, те русские, с которыми нам предстоит работать на местах, – люди вероломные, отъявленные шовинисты». Окончательное: «Лично от Чичерина я узнал, что Советы ... были такими же яркими националистами, как и царские чиновники» (Отечественная история. 1997. № 6). Но идея честной тюркской федерации в сознании тюркских элит не умерла.

Подведем итоги. Славянские интеллектуальные круги, исключая, кажется, К.Н.Леонтьева, не придали значения туранскому элементу, другими словами, тюркизму¹³. Концепция «Идель-Урал» как современная конструкция соперничала в поиске исторической справедливости, используя федерализм для реализации восточной альтернативы развития культурных ресурсов тюркской языковой семьи. Сталин столкнулся вплотную с этим вариантом федерализма, за которым стояла огромность территории, численность тюрко-язычного населения воображаемой федерации (около 6 млн.). Он боялся его смертельно, что проявилось в конце 1920-х годов массовыми репрессиями элит.

Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Алексеенков, 1931- Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент. Учгиз. 1931. 72 с.
2. Аманжолова, 2009 - Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Таймас, 2009. 412 с.
3. Бабич, 2012 - Бабич И.Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917 -1930- е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. СПб., 2012.
4. Бекович-Черкасский, 1929 - Бекович-Черкасский Э. «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // Горцы Кавказа. 1929. № 8-9.
5. Bennigsen, 1960 - Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalievisme» au Tatarstan. Paris, 1960.
6. Вахитов, 1967 - Вахитов М. Избранное. Статьи, речи, письма, документы. Казань, 1967. 124 с.
7. Ленин, 1984 - Ленин В.И. и Башкирия. Документы, материалы, воспоминания, 3-е изд., доп. Уфа, 1984.
8. Гачев, 1998 - Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Academia, 1998. 432 с.
9. Из истории, 1999 - Из истории российской эмиграции. М., 1999.
10. Ергин, 2008 - Ергин Ю.В. «От имени башкир – Шафир Манатов» // Педагогический журнал. 2008. № 1 (14).
11. Ергин, 2011 - Ергин Ю.В. Аллабирде Ягафаров – первый нарком просвещения малой Башкирии // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 6.
12. Валиди, 1994 - Валиди А-З. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Книга I. Уфа, Китап. 1994.
13. Исхаков, 2004 - Исхаков С. Российские мусульмане и революция 1917–1918 гг. М.: Мысль, 2004.
14. Исхаков, 1997 - Исхаков С. А.-З.Валидов: пребывание у власти //Отечественная история. 1997. № 6.
15. Исхаков, 2014 - Исхаков С.М. Меньшевик А.Цаликов об отношении российских мусульман к первой мировой войне. 1917 г. //XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. № 2.
16. Кавиев, 2014 - Кавиев А.Ф., Сабиров И.Т. Мулламур Вахитов и деятельность комиссариата по делам мусульман внутренней России // В мире научных открытий. 2014. № 1.
17. Кенжетаяев, 1998 - Кенжетаяев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX - начале XX вв. Издательский дом «Пиф». 1998.
18. Кирчанов, 2010 - Кирчанов М.В. [Пост]колониальные ситуации: среднеазиатские национализмы в контексте политических модернизаций / Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010.

¹³ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. СПб., 1885-1886. Т. 1. С.285

19. Мякотин, 2015 – Мякотин Е. Сила в нас самих. Чтение архива Соломона Герцфельда//Еврейская старина. 2015. № 1(84).
20. Мухарьямов, 1989 - Мухарьямов М.К. Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань. 1989. С. 8-9.
21. Мухетдинов, 2011 - Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России XVIII – начале XX вв.: модернизация и традиции. Н.Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2011.
22. Образование, 1959 - Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сб. документов и материалов. Уфа. 1959.
23. Протопресвитер, 1995 - Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995.
24. Сталин, 1947 - Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос / Соч. 4. М.:ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947
25. Султанбеков, 1997 - Султанбеков Б.,Шарафутдинов Д. Политическая «бомба» Эдгема Булбуловича // Эхо веков. 1997. № ¾.
26. Топчибашев, 1993 - Топчибашев А.М. Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской республики, Чрезвычайным министром-посланником при правительствах Блистательной Порты Армении и Грузии Алимардан-беком Топчибашевым (ноябрь 1918 г.). Баку, издательство «Азербайджан». 1993.
27. Хабутдинов, 1999 – Хабутдинов А. Начальные этапы формирования татарского управленческого аппарата // Вестник Евразии. 1999. № 1/2.
28. Хабутдинов, 2001 - Хабутдинов А. Органы национальной автономии тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда. 2001.
29. Хабутдинов, 2003 - Хабутдинов А. Лидеры нации. Рождение татаризма. Галимджан Ибрагимов (1887-1938). Казань. 2003.
30. Хабутдинов, 2013 – Хабутдинов А. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: ИД Марджани, 2013.
31. Чеботарев, 2003 - Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М., 2003.
32. Юлдашбаев, 1984 - Юлдашбаев Б.Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа. 1984.

Referens

- Alekseenkov, 1931. - Alekseenkov P. Kokandskaya avtonomiya. Tashkent. Uchgiz. 1931. 72 s.(in Rus.)
- Amanzholova, 2009 - Amanzholova D. Na izlome. Alash v ehtnopoliticheskoj istorii Kazahstana. Almaty: Tajmas, 2009. 412 s. (in Rus.)
- Babich, 2012 - Babich I.L. Severokavkazskaya naciya v evropejskoj ehmigracii (1917 -1930- e gody): mif ili real'nost' // Obshchestvo kak ob"ekt i sub"ekt vlasti. SPb., 2012. (in Rus.)
- Bekovich-CHerkasskij, 1929 - Bekovich-CHerkasskij E.H. «Vozrozhdenie» o separatizme gorcev Kavkaza // Gorcy Kavkaza. 1929. № 8-9. (in Rus.)
- Bennigsen, 1960 - Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalievisme» au Tatarstan. Paris, 1960. (in Rus.)
- Vahitov, 1967 - Vahitov M. Izbrannoe. Stat'i, rechi, pis'ma, dokumenty. Kazan', 1967. 124 s. (in Rus.)
- Lenin V.I. i Bashkiriya. Dokumenty, materialy, vospominaniya, 3-e izd., dop. Ufa, 1984. (in Rus.)
- Gachev, 1998 - Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira: kurs lekcij. M.: Academia, 1998. 432 s. (in Rus.)
- Iz istorii rossijskoj ehmigracii. M., 1999. (in Rus.)
- Ergin, 2008 - Ergin YU.V. «Ot imeni bashkir – SHafir Manatov» // Pedagogicheskij zhurnal. 2008. № 1 (14). (in Rus.)
- Ergin, 2011 - Ergin YU.V. Allabirde YAgafarov – pervyj narkom prosveshcheniya maloj Bashkirii // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. 2011. № 6.(in Rus.)
- Validi, 1994 - Validi A-Z. Bor'ba narodov Turkestana i drugih vostochnyh musul'man-tyurkov za nacional'noe bytie i sohranenie kul'tury. Kniga I. Ufa, Kitap. 1994.(in Rus.)
- Iskhakov, 2004 - Iskhakov S. Rossijskie musul'mane i revolyuciya 1917–1918 gg. M.: Mysl', 2004.(in Rus.)
- Iskhakov, 1997 - Iskhakov S. A.-3.Validov: prebyvanie u vlasti //Otechestvennaya istoriya. 1997. № 6. (in Rus.)
- Iskhakov, 2014 - Iskhakov S.M. Men'shevik A.Calikov ob otnoshenii rossijskih musul'man k pervoj mirovoj vojne. 1917 g. // HKH vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyucii. 2014. № 2. (in Rus.)

- Kaviev, 2014 - Kaviev A.F., Sabirov I.T. Mullanur Vahitov i deyatel'nost' komissariata po delam musul'man vnutrennej Rossii // V mire nauchnyh otkrytij. 2014. № 1. (in Rus.)
- Kenzhetaev, 1998 - Kenzhetaev B.A. Kazanskije uchebnye zavedeniya i process formirovaniya kazahskoj intelligencii v seredine XIX - nachale XX vv. Izdatel'skij dom «Pif». 1998. (in Rus.)
- Kirchanov, 2010 - M.V. [Post]kolonial'nye situacii: sredneaziatskie nacionalizmy v kontekste politicheskikh modernizacij / Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2010. (in Rus.)
- Myakotin, 2015 - Myakotin E. Sila v nas samih. CHtenie arhiva Solomona Gercfel'da//Evrejskaya starina. 2015. № 1(84)//Evrejskaya starina. 2015. № 1(84). (in Rus.)
- Muharyamov, 1989 - Muharyamov M.K. Velikij Oktyabr' i nekotorye voprosy formirovaniya tatarskoj socialisticheskoi nacii. Kazan'. 1989. S. 8-9.(in Rus.)
- Muhetdinov, 2011 - Muhetdinov D.V., Habutdinov A.YU. Islam v Rossii v XVIII – nachale XXI vv.: modernizaciya i tradicii. N.Novgorod: Izdatel'stvo NNGU im. N.I.Lobachevskogo, 2011.(in Rus.)
- Obrazovanie, 1959 - Obrazovanie Bashkirskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoi Respubliki. Sb. dokumentov i materialov. Ufa. 1959.(in Rus.)
- Protopresviter, 1995 - Protopresviter Vasilij Zen'kovskij. Pyat' mesyacev u vlasti (15 maya –19 oktyabrya 1918 g.). Vospominaniya. M., 1995.(in Rus.)
- Stalin, 1947 - Stalin I.V. Oktyabr'skij perevorot i nacional'nyj vopros / Soch. 4. M.:OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1947. (in Rus.)
- Sultanbekov, 1997 - Sultanbekov B., SHarafutdinov D. Politicheskaya «bomba» EHdgema Bulbulovicha // EHKho vekov. 1997. № ¾. (in Rus.)
- Topchibashev, 1993 - Topchibashev A.M. Memorandum, pred'yavlennyj nahodyashchimsya v Konstantinopole pochetnym predstavitelem derzhav Antanty, chlenom pravitel'stva Azerbajdzhanskoj respubliky, CHrezvychajnym ministrom-poslannikom pri pravitel'stvah Blistatel'noj Porty Armenii i Gruzii Alimardan-bekom Topchibashevym (noyabr' 1918 g.). Baku, izdatel'stvo «Azerbajdzhan». 1993.(in Rus.)
- Habutdinov A. Nachal'nye ehtapy formirovaniya tatarskogo upravlencheskogo apparata // Vestnik Evrazii. 1999. № 1/2.(in Rus.)
- Habutdinov, 2001 - Habutdinov A. Organy nacional'noj avtonomii tyurko-tatar musul'man vnutrennej Rossii i Sibiri v 1917–1918 gg. Vologda. 2001.(in Rus.)
- Habutdinov, 2003 - Habutdinov A. Lidery nacii. Rozhdenie tatarizma. Galimdzhan Ibragimov (1887-1938). Kazan'. 2003.(in Rus.) Habutdinov, 2013 - Habutdinov A. Instituty rossijskogo musul'manskogo soobshchestva v Volgo-Ural'skom regione. M.: ID Mardzhani, 2013.(in Rus.)
- CHebotareva, 2003 - CHebotareva V.G. Narkomnac RSFSR: svet i teni nacional'noj politiki. 1917–1924 gg. M., 2003.(in Rus.) YUldashbaev, 1984 - YUldashbaev B.H. Nacional'nyj vopros v Bashkirii nakanune i v period Oktyabr'skoj revolyucii. Ufa. 1984.(in Rus.)